

Анжелика Стынка

Зазеркалье

Анжелика Стынка

Зазеркалье

«Автор»

2026

Стынка А.

Зазеркалье / А. Стынка — «Автор», 2026

История о двоимирии. Насколько реален мир вокруг нас? Не является ли наша повседневная жизнь лишь искаженным отражением чего-то глобального и важного. Что происходит, когда привычный мир сталкивается с мистическим Зазеркалем? Все, кого мы считаем ушедшими, всегда наблюдают за нами с той стороны зеркального стекла...

© Стынка А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Зазеркалье

Глава

Мистическая сказка

А как всё хорошо начиналось. За окном падал мелкий снег. Под снежным покрывалом быстро исчезал черный асфальт. Мир становился белым, чистым. В город пришел покой.

Голос бабушки раздался неожиданно.

- Внученька, ты меня слышишь?

Старушка умерла десять лет назад.

- Да, бабушка, – сразу отозвалась Люся.

Люся узнала её голос. Просевший от туберкулеза. Недоедание, холод и страх преобразовались в «стыдливую» болезнь.

- Люся, помнишь историю про купца?

- Подзабыла.

Люся хитрила. Бабушка навевалась редко. Долго не засиживалась. Торопилась. Словно ей подниматься спозаранку. Чем бабушка занималась на том свете, Люся не знала, а та не рассказывала. На вопросы уклончиво отвечала: «Не сейчас».

- Бабушка, что случилось с купцом?

Люся хотела побыть с ней хоть часок, пусть даже с мертвой. Люся мало с кем общалась, с работы бежала домой, в дороге не задерживалась. Дом казался ей идеальным убежищем. С ужасами детства она рассталась навсегда. Когда-то в этой комнате жили потерянные люди. Несколько месяцев назад их закопали. Люся легко пережила утрату. Вещи покойников унесла на помойку. Мертвецы её не беспокоили. Они не являлись в новые сны и не предъявляли претензий.

Люся была обычной - хорошие парни с ней не заигрывали, а странных ухажеров она отвергала сама. Правда, была у неё одна особенность: она путала реальность с вымыслом.

В темной комнате зазвучал старушечий голос. Он рассказывал о том, что до революции в Петрограде жил один купец - человек доброго нрава и огромного богатства. Он владел родовыми поместьями и собственным заводом, станки для которого выписывал напрямую из Англии. Завод получал государственные заказы, так что купец жил не тужил, но всё же старался не отставать от дворян. Мода пошла на доходные дома. Что купец хуже других? Пригласил он знатного архитектора. Тот возвёл здание из кирпича. Квартиры в доме были дорогими, богато обставленными. Настоящие барские апартаменты. В то время рабочие жили в нечеловеческих условиях. В доходных домах для бедняков спали на койках по очереди – один уходил на смену, другой падал на его место. Трудовой день длился по четырнадцать – шестнадцать часов.

- Сейчас грех на что-то жаловаться, - вздохнула бабушка.

Голос внезапно умолк, оставив после себя звенящую тишину. Люся пронзила темноту испытывающим взглядом. Куда же она делась? И тут бабушка спросила:

- Внученька, как тебе живется?

- Хорошо, бабушка.

- Ага. Вижу...

Громко затопав, старуха зашагала по комнате. Повеяло мертвецким холодом.

- Так и осталась в коммуналке. Ничего... Нам не привыкать. Мой отец последний рубль отдавал за нищенскую комнату.

Материальное положение человека было незавидным. Из-за крайне тяжелой ситуации денег не хватало даже на хлеб, но это не помешало ему жениться.

- Мы появились. Папаша бил нас. Ещё царя ненавидел. На заводе вступил в какой-то кружок. На митинги ходил. Неожиданно в городе образовалась нехватка хлеба. Холодной зимой в наше окно постучался голод. Я постоянно думала лишь о еде. Люди исчезали. Родственники. Соседи. Уходили и не возвращались. Мы чуть не умерли той зимой. Простые работяги ждали прекращения войны. А та всё шла. Начался новый 1917 год. В Петрограде пошли волнения. Потом ещё хуже. Революция кровью обрызгала город. Странное чувство - видеть кровь на снегу. Зимы раньше были снежные, лютые. Люся, в городе лежит снег? Мне отсюда не видно.

- Бабушка, почему к окну не подойдешь?

- Люся, я тебе уже говорила: нам нельзя видеть свет, это запрещено. В моей избе всегда темно. Но я не жалею, жгу лучину, от неё исходит слабое мерцание.

- Намело, бабушка. Деревья словно в сказке.

- В революцию по что убивали? – задумчиво спросил голос с того света.

- Кого, бабушка?

- У революции было мало друзей. Быстро друг становился врагом. Новая власть приметила купца и отобрала имущество. Оставили ему лишь одну квартиру в его же бывшем доме. Недолго купец пробыл без уплотнения. Вскоре к нему подселили рабочих. В одну из комнат мы заехали. Радовались, словно отхватили царские палаты. Бедно мы жили. Не знали, что другие живут иначе. И тут начались проблемы в купеческом доме. Голытьба грязь развела. От богатого доходного дома величия не осталось. А купец не съехал. Почему он не бежал, Люся?

- Я не знаю, бабушка.

- Купец любил родину. Не хотел на чужбине век доживать. А ещё надеялся, что всё будет как раньше. Умный, а дурак: как раньше - никогда не бывает. Бежать ему надо было. Деньжки свои он припрятал в чужой стране.

- Где, бабушка?

- Люся, я по чем знаю. Думаешь, мертвые всё знают? – голос сделался тише. - Купец остался в Петрограде. Настали безумные, тяжелые времена. Большевики укрепляли свою власть. Расстрелы пошли. Ночью приезжали. Увозили. Больше человека не видели. Тех, кто был из рабочих и за советскую власть, их конечно, не трогали. Пролетариату вообще пообещали светлое будущее. Тут рабочий человек и повеселел. Я в школу пошла. Мне повезло, внученька. Судьба пожалела меня.

Снова тишина повисла в комнате. За окном расшумелся ветер. Задвигал деревьями.

- Бабушка, ты тут?

- Где ж мне быть, Люся? Пока здесь. Мое время не вышло.

Бабушка говорила, что всем дают время на разговор с родственниками. Не каждый мертвец спешит воспользоваться этой услугой. Чтобы голос звучал чисто, без помех, надо заплакать. Расплачивались светом. После разговора сидеть в крошечной темноте было страшно. С той стороны окна подкрадывались звери с желтыми глазами. Прикладывали носы к стеклу и дышали, дышали густым белым паром. Иногда рычали. Или плакали кукушечьими слезами. Плач кукушки мало кто выдерживал. Покойник начинал метаться по избе, натякался на торчащие гвозди, повреждал руки и ноги. Плоть отваливалась. Из углов выползало то, что питалось плотью.

От страха покойник терял сознание. Очнувшись, снова видел себя целехоньким в доме.

У всех были дома. Каждому, кто перешёл черту и попал в особенный мир, предлагали деревянную избу с узким волоковым окошком, через которое почти не пробивался свет.

Находиться в полной изоляции было нестерпимо. Чтобы хоть как-то скрасить существование мертвых, им выдавали лучины. Эти тлеющие щепотки служили местной валютой, которой можно было расплатиться за редкие удобства.

Если не заплатить, из-за плохой связи голос с того света звучал с помехами: то пропадал, то появлялся. Толком не поговоришь, слов не разберёшь. А напугать, конечно, можно. Бабушка

платила регулярно. Она научилась неподвижно и тихо сидеть в темноте, чтобы чудовища не приближались к дому.

- Люся, слышишь меня?

- Слышу. И что купец? Бабушка, что произошло с ним?

- Забыла? Я вам рассказывала эту историю всякий раз под Рождество.

Бабушка вспоминала эту страшную историю долгими зимними вечерами. Дети слушали её, затаив дыхание. Время тянулось медленно. Наряженная ёлка стояла рядом и переливалась разноцветными огнями.

- Антошка тогда был маленький, – тихо подала голос Люся, – от страха он писался.

В старой коммунальной квартире за стеной кто-то высморкался. Чих повторился несколько раз. Из-за тонкой перегородки всё было слышно. Мертвая бабушка научилась различать шорохи живого мира. Не все звуки были ей по душе. Покойница была пугливой.

Началась суета. Покойница нервно заходила туда-сюда. В комнате зашатались половицы.

- Люся, кто чихнул?

- Соседка.

- А ты одна?

- Да.

- Замуж не вышла?

- Нет.

- Может и правильно, Люся. В вашем мире волнительная обстановка. В трудные времена мужчины пьют и насилуют. А когда время хорошее? – покойница вздохнула. - В Революцию хуже всего было. Помню злые глаза матросов. Плечистые революционеры стремились к власти.

- А купец?

- А купец сник. Сгорбился. Рабочие, что поселились в его доме, совсем не уважали старика. Били его. Мой отец колотил больше всех. Кулак у отца был тяжёлый. Как стукнет им по столу – по всему дому звон стоит... Мать он тоже обижал. Не жалел. В один из обычных зимних дней отец написал какому-то «красненькому» докладную. Мол, так и так, классовый враг под боком.

- Зачем он это сделал?

- Затем. Приглянулась ему соседняя комната. В ней стояло огромное зеркало от пола до потолка. Грезил папаша о чужом имуществе. По что нищему купеческое зеркало? Кого он хотел в нём увидеть? Разве что самого черта. Слишком много крови было на его руках.

- На чьих, бабушка?

- Что за ребенок? Ты не слушаешь разве? – бабушка закашлялась.

Покойница кашляла, когда нервничала. Симптом возвращался, ежели она выходила из избы.

Избу не запрещено было покидать, можно было отправиться хоть в путешествие. Однако вокруг стояла такая пугающая темнота, что покойник боялся сделать и шаг вперед, поспешно заскакивал в своё жилище. Чем был заполнен мир, почивший не знал и не хотел с этим разбираться. Ведь в избе чудесным образом проходили его болезни. Испытания болью заканчивались.

Мир был суров. Обязательно нужно было соблюдать правила. Взаперти сидеть тихо, не орать во всё горло, не рыдать во всю мощь - тогда можно не тужить, а даже обеспечить себе нормальное существование. Раз в день появлялась чистая вода, здоровая пища, лучины. Лучин было мало. Покойники экономили свет.

Платили светом не только за связь с миром живых, но и за прогулки у воды.

К воде доставляли особым способом. «Пассажир» влезал в крытую повозку, устраивался в ней; черный балдахин тут же полностью закрывал повозку и передвижное средство трогалось с места. Лошадей не было.

«Пассажир» не видел brutальных декораций, подчеркивающих драматизм ситуации, а они были. Старый бочки. Ржавые цепи. Рваные рыболовные сети. Обглоданные кости животных. Человеческие скелеты странно больших размеров, не вписывающиеся в современные представления об анатомии, стояли во весь рост. Они охраняли местность.

Через какое-то время повозка останавливалась у освещенного оазиса, скрытого в глубине темного мира. Под давлением пассажир выкатывался из повозки и оказывался у источника чистой, питьевой воды. Сделав всего глоток, покойник полностью перевоплощался в живого, кожа вновь становилась упругой и эластичной, наливались силой руки и ноги. Новые мышцы так и хотелось проверить на прочность. Побежать за уткой, чтобы поймать её. Поплывать в озере. Покойник ценил каждую секунду у воды.

Покойники знали цену всему.

В том мире кто-то охотился за волосами покойников. Того, кто жертвовал их полностью, состригая дочиста, ждала мгновенная оплата. В избе сами собой возникали стол и стулья с мягкими подушками. И даже самовар с редким сортом чая, а к нему - целые чашки и блюда.

Редко какой покойник расставался с волосами – мощным проводником энергии. Даже после смерти они сохраняли свою силу и в особый час могли подарить встречу с любимыми. Эту последнюю надежду у мертвецов никто не мог отобрать. Почти каждый из них мечтал о свидании за гробовой чертой.

В настоящее время бабушка ещё была в комнате.

- Из-за моего отца купец повесился. В страхе жить трудно. Каждую ночь купец ждал, что за ним придут. Прислушивался к шагам на лестнице. Не выдержал. Встал на стул напротив зеркала. Надел веревку на шею. Надо же было... Сделал это купец под Старый Новый год. Утром нашли двух купцов.

- Как это?

- Один висел посреди комнаты с веревкой на шее. Другой застыл в зеркале. Тот, из отражения, показался мне веселее покойника в комнате. Он вдруг подмигнул мне.

- Невероятно... - прошептала Люся.

- Люся, я ведь ещё кое-что увидела.

- Что именно, бабушка?

- В зазеркалье появилась женщина. Будто из ниоткуда возникла. Я её очень хорошо разглядела. Она была молодая и красивая. В её жёлтых волосах поблескивала золотая заколка. Из знатных, значит. Женщина встала на цыпочки, чтобы снять купца с петли. И тут, Люся, я заметила её стеклянные ноги! Пока я испуганно смотрела на это, она всё-таки стащила купца – сил ей было не занимать. А после... Развернулась и молча уставилась мне прямо в глаза. От её взгляда сердце ушло в пятки. А они исчезли.

- Как исчезли?

- Полностью пропали. Вместо повешенного купца осталась кукла, её ведьма притащила с собой. Кукла была один-в-один наш купец.

- Даже не могу поверить.

- Люся, я правду говорю. Это был не кошмарный сон, от которого можно проснуться. Всё происходило наяву. Но я никому ничего не сказала. Быстро вывели детей из комнаты, а понятых доставили. Изловили на улице случайных прохожих. Ошибся отец, не довелось ему присвоить чужое. Комната, где купец свёл счеты с жизнью, долго не пустовала. В неё вскоре заселился начальник из управдома. Отец, надо отдать ему должное, был не дурак. Зеркало вынесли предусмотрительно. Четыре здоровых мужика тащили эту купеческую вещь из одной комнаты в другую. Тяжёлым оказалось зеркало. Дело закончили – за стол сели. Крепкие мужики, теряя удаль, пили самогон до утра. Потом уснули. Только отец не спал: он подошел к зеркалу с горячей свечой.

- Бабушка, зачем ему нужна была свеча?

- Люся, так темно было. Зима. Поздно светало. А свечей в доме было впрок. От прежних жильцов остались. Не сэкономили мы их. Жгли, сколько душе угодно. Посмотрел в зеркало и упал замертво. Люся, ты со свечкой к зеркалу не приближайся. Не подходишь, Люся?

- Никогда, бабушка.

- Это правильно, Люся. А где Антон?

- Сел он.

- Хулиганистый был мальчишка. Ты с братом помирись. Кровь-то одна. Спать ложись, Люся. Поздно уже.

Поцелуй с того света был обжигающе холодный.

Падал снег. Люся смотрела на снежную улицу и думала о том, что надо съездить в колонию.

Поселок Форносово замело. Крыша исправительной колонии натянула черно-белую полосатую шапку. Грозные сторожевые псы, которые обычно молчат, жалобно скулили. Очередь на проходной быстро росла. Мороз крепчал. Люди на улице стали замерзать. Некоторые ушли греться в машины. Старая цыганка навалилась на Люсю грузным телом.

- Девчонка, вдвоем теплей, – добродушно сказала она, вынула из тулупа носовой платок, высморкалась. – У тебя там кто?

- Брат.

- Любишь его?

- Нет.

Брат имел буйный нрав. Во дворе бил мальчишек. Соседи жаловались. «Весь в отца». Причитала мать.

Хоть дети жили в одной семье, у них были разные отцы. Вместе ютились в коммунальной квартире, в той самой комнате, которую прадед добыл в революцию. С тех пор много что изменилось. Но кто был бедным, бедным и остался.

Страна, позабыв уроки прошлого, трещала по швам. Без передышки генсеки умирали один за другим. Отчим, будь он трижды неладен, потерял палец на заводе. Без пальца стал ненужным на производстве, уволился, устроился дворником, пристрастился к самогону. Сам гнал. Сам пил. Мать, чтобы прокормить семью, стала торговать у железнодорожного вокзала жареными курами. Однажды торговков забрали в милицию. Держали всю ночь. Пугали. Ждали «откуп».

До беды оставался час.

«Откуда кровь?» Утром спросила мама, замачивая простынь в жестяном тазу. «Следи за собой. Кровь плохо отстирывается. Ты уже большая девочка».

Бабушка забрала Люсю к себе. В деревне у бабушки был маленький домик. Вдвоем им жилось хорошо. Новая школа, добрые отношения сельских учителей вытеснили из памяти неприятные события.

Бабушка умерла. Отчим пропил бабушкин дом. Привычный уклад опять изменился.

Оставшись без защиты, Люся не бросилась под машину. Не утопилась в реке, а поступила в техникум. Комсомолка Люся стала «кирпичиком» большой советской страны. Советы защищали своих. Местные власти предоставили ей общежитие.

Когда отчима и матери не стало, жизнь изменилась к лучшему. Люся вернулась в комнату по месту прописки. Антон её не беспокоил. Он сидел.

- Не жалец он, – сказала старая цыганка.

- Кто?

- Твой брат. Покойником пахнет.

- У вас там родственники? – спросила Люся.

- Сыновья. Сели за разбой, – цыганка горько хмыкнула. – Да разве это разбой? Упрятали моих мальчиков за кирпичную стену, расправились с ними как со злостными преступниками. А они никого не убили. Мои дети хорошие.

Старая цыганка достала из сумки колбасу.

– Кусай. Нам ещё долго стоять на морозе.

Антон выглядел плохо. Худой. Синий. Люся помнила его другим.

- Зачем пришла? – строго спросил в телефонную трубку.

Люся не знала, что сказать. Она не видела брата много лет. Антону дали десять. Когда Люся вернулась в комнату, где прошло её детство, Антон уже отбывал срок в колонии строго режима.

- Дети есть? – спросил Антон.

- Нет. Я с бабушкой разговаривала.

- Ездил к ней на могилку?

- Нельзя сейчас. Снега много. Приходит она.

- Это не к добру.

Антон перекрестился.

- Я теплые вещи собрала. Принесла то, что сохранилось от твоего отца. Все приняли. Холодно за городом. Я буду приезжать, Антон.

- Чего добрая такая? Боишься меня? Думаешь, вернусь и вышвырну?

- Нет. Я так не думаю. Мы же семья...

- Люся, включи мозги! Никакая мы не семья и никогда ею не были. Скоро я выйду, а ты пойдешь бомжевать. У помойки тоже люди. Примут.

Антон криво улыбнулся. Во рту отсутствовали зубы. Люся глядела в его пустой рот и думала о том, что он плохо питается.

- Комната моя. Запомни это, сестренка.

В банный день Антон поскользнулся, упал, ударился головой о кафель и умер. В колонии не нарушали порядок. Конфликтов не было. Зэки ждали праздник.

На помывку отправились отрядом. Горячая вода подавалась ограниченно, но в тот день воды хватило на всех из группы осужденных. В душе Антон пел. В крови нашли алкоголь и запрещенные вещества. Когда Люся забирала бумаги, доктор шепнул: «Реальность такова, что человек сам себе враг».

Пришлось готовиться к похоронам. В ритуальных услугах время остановилось. На Люсю надвигалась пышнотелая сотрудница.

– Гробы разной категории.

Соблюдая дистанцию, служащая рассматривала ее старую юбку.

- Вам какой? С окошком хотите? Хорошо будет видно лицо. В городе много боевых припасов. Некоторые поступают поврежденными.

Шел третий год перестройки. Бандиты стреляли в бандитов. Бандиты стреляли в политиков. Политики отстреливались. Пули рикошетом летели в народ.

Бизнес ритуальных услуг процветал.

Люся работала в библиотеке. В декабре отключили отопление. На что хоронить?

Из имущества – старинное купеческое зеркало в тяжелой бронзовой раме. Приглашенный оценщик пообещал: «На похороны хватит». Сделал несколько фотографий, выпил рюмочку наливки, тенью прошел по бесконечному коммунальному коридору и растворился на барской лестнице.

- Сколько стоит обычный гроб?

- Покойнику это не понравится. Люся, надо было оставить им тело. Вчера приходили.

- Кто приходил?

- Знакомые вашего брата.

Неожиданно сотрудница сделалась другой. Уменьшился рост. Заострился нос. Рот испуганно приоткрылся. Сама она стала какой-то жалкой.

Люсе стало тревожно на душе.

- Какое количество людей сядут за поминальный стол? Вы знаете?

- Одна я, – испуганно ответила Люся.

- «Братки» предпочитают «беленькую». Батюшка, конечно, много возьмет. Его понять можно. У батюшки пятеро детей.

Служащая подняла палец вверх.

- Нужно соблюсти традиции. Отпевание – важная часть прощания с усопшим.

- Наша семья не была религиозной. В церковь ходила только бабушка.

- Антон полностью уверовал. Он регулярно посещал тюремную часовню. Брат о вас позаботился. Принял судьбоносное решение. Оставил завещание. Какую-то сумму вам передадут наличными.

- Откуда вы всё знаете?

- Я в ритуальных услугах со времен царя Гороха, а тут случайных нет. Раньше мы в дощатом сарае ютились, но дело своё знали чётко. Кого надо – хоронили тайно. Выходили в ночные смены. Город спит, а мы копаем. Отсюда и связей полно.

На Люсю упал венок.

- Ничего страшного. Не надо бояться.

«От сослуживцев». Прочитала сотрудница, что была написано на черной ленте.

- Венок выбрал вас, Люся. Это знак. Вы – своя. Вам можно доверить тайну.

Сотрудница огляделась по сторонам и прошептала:

- На Старый Новый год мы всегда зовем друзей. Приходите и вы. Ряженых будет полно. Явятся даже те, кого хоронили без обуви. Мы не успевали их обувать. Обычно мы моем, одеваем, наносим грим. В штатном режиме работаем на совесть. А когда привозят ночью – тут уж не до церемоний. Закопать бы до рассвета, – сотрудница погладила её по волосам. – Вам бы родить. От знатного покойника, конечно, не получится, но в жизни всякое бывает. Даже со мной произошёл случай. Тот покойник сам вылез из-под земли, никто его не откапывал. Пришел в офис, нашел меня и затащил в ритуальный зал, где стоял пустой гроб. Он хотел со мной поговорить без посторонних глаз. Он был свободен, открыт для чувств и далеко не урод.

Сотрудница многозначительно повела глазами:

- Никому не говорите.

Люся кивнула.

- Покойник набросился на меня с первобытной жадностью. После чего благородный мертвец даже захотел жениться. Но разве ему можно? Ушел назад. Но связь осталась. До сих пор является ко мне во снах. Я так и не вышла замуж.

Люся верила в магические порталы и в психологическую связь между мертвыми и живыми. Взаимодействие остаётся даже тогда, когда близкие находятся в разных мирах: один – на этом свете, другой – на том.

То, о чем рассказала сотрудница ритуальных услуг, было уж слишком. Как она согласилась стать любовницей мертвяка?

Люся покраснела.

- Что вы. Не переживайте. Вам подберем из живых. «Братки» хотят жениться. Беспокоятся о своем будущем. Желают знать, кто их будет хоронить. Людям ведь не все равно.

Люся сидела в сугробе. Направо – кладбище. Налево – мастерская по изготовлению памятников.

Смерть Антона подкосила Люсю. В сумочке: билет на трамвай.

Оценщик позвонил в два.

«Я проявил пленку, – сказал оценщик. – В зеркале прячется сущность».

Он резко бросил трубку: на том конце провода не было живого человека.

Несколько месяцев назад в семье случилось несчастье, унёсшее две жизни. Люся избавилась от обгоревших вещей, но тёплый тулуп, принадлежавший отчиму, пожалела выбросить - уж больно хорош он был, почти новый.

Люся вспомнила, что произошло ещё до смерти брата. В свой выходной она собралась в колонию. На улице стоял крепкий мороз, потому пришлось надеть тулуп. В посёлок Форново съехались родственники. У административного здания Люся познакомилась с цыганкой, которая на прощание настойчиво протянула ей свою визитку.

«Холодец будешь?» В комнату вошла соседка. Внесла тарелку. Вернулась на кухню.

На кухне - одна плита. Четыре конфорки. В коммуналке остались старухи без личной жизни и Люся. Другие разъехались.

Наевшись холодца, Люся заголосила.

Падал снег.

Правящая партия запретила цыганам кочевой образ жизни, потребовав прекратить перемещаться по стране. Осев на пустующих землях, цыгане построили дома под Ленинградом.

Мело. Автобус не доехал до нужной остановки. Высадил пассажиров практически в поле. К деревне люди пошли гуськом. Впереди уверенно шел старый цыган. Человек вернулся с заработков. Где-то строил. Что-то заработал.

Другие шли по его следам.

В деревне то тут, то там громко лаяли собаки. Издали доносились приглушенные человеческие голоса. Люся пошла на человеческий гул.

Во дворе одного дома на белом снегу стоял красный гроб, окружённый пожилыми мужчинами. Один из них то и дело стучал по крышке палкой. После каждого удара, словно черт из табакерки, из гроба по пояс высовывался хорошенький белокурый подросток и отчаянно вопил: «Не брал! Клянусь! Чтоб мне не жить».

Цыгане заметили Люсю. «Чего тебе?» - спросил один. «Ищу дом Розы», - ответила она. Цыган махнул рукой: «Тебе туда».

Дом с белыми колоннами... Местный художник-самоучка расписал стены сказочными сюжетами. Яркие, высокие, совершенно нереальные цветы имели странное происхождение - будто прибыли из другого измерения. Прекрасные создания с человеческими руками вместо листьев тянулись к солнцу, а в их зарослях мирно гуляли рыжие львы. Нарисованные львы смотрели на мир добрыми глазами. Ещё в детском саду Люся тоже рисовала львов. У маленькой Люси было особое чутье: она сразу узнавала, где лев людоед, а где - добрый зверь. У зверя, пожирающего людей, были злые глаза.

В восемь утра папа приводил Люсю в группу. Снимал с неё шапку. Подтягивал ей колготки. Крепко обнимал. Папа рано умер.

По двору бегал петух. В будке спал пес. Люся постучалась в дверь: «Тетя Роза! Это я. Люся».

У самого порога стояли валенки, едва припорошенные снегом. Люся осторожно открыла дверь.

«Я ждала тебя. Хорошо, что снег не помешал приехать», - старая цыганка была рада видеть Люсю.

В комнате было натоплено, от печки шёл жар. Рядом со старухой сидела молодая девушка. Пышная юбка с воланами едва скрывала её большой круглый живот.

«Вот-вот родит, - цыганка поцеловала девушку, - внук у меня будет».

Кошка потерлась о ноги старухи. Ушла в коробку к котяткам. Из коробки раздался писк.

«Голубцы хочешь? С Рождества остались», - предложила цыганка.

Люся впервые видела долму - голубцы в виноградных листьях. Она с аппетитом ела горячее угощение, довольно причмокивая.

«Не доедаешь», - покачала головой тетя Роза.

Люся молча кивнула.

«В таборе у нас много парней. Вот сын кузнеца – отличный жених! Правда, за цыгана может выйти только цыганка. Я бы тебя удочерила, да время твоё вышло, совершеннолетняя уже. А парень-то знатный, посуду добротную делает. Недавно отец ему купил «Жигули».

«Тетя Роза, мой брат умер».

«Не повезу её в город. Можно застрять в снегах. Тут будет рожать. С повитухой я договорилась. Останешься на цыганский новый год?»

«Антон надо хоронить», - Люся облизала рот.

«Мы своих не оплакиваем. Иногда поем. Ты, если хочешь, поплачь».

«Антон – сводный брат. Мы не общались. Тетя Роза, его убили?»

«Он сам себя убил. Люся, что у тебя в волосах? Кровь запеклась».

Молодая девушка принесла водку и ватные шарики.

«Хорошая голова. На голове две макушки».

Старая цыганка стала обрабатывать ранки.

Венок, рухнув с гвоздя, оцарапал голову. Про инцидент Люся забыла. Так и ходила с запекшейся кровью.

- Две макушки, две дороги - выбор у тебя будет. А вот у цыган выбора нет. Мы живём по доле своей, она у нас одна. Цыган её наперёд знает и молится. Просит у Господа, чтобы никто не испортил ему путь. Уповает на Божью милость. Трудную жизнь цыган проживает, много ворует – такова его горькая участь. Но у своих красть нельзя.

- Я видела белобрысого мальчика в гробу.

- Мы своих детей не бросаем, а ваши оставляют. Ванечку взяли из детского дома. Два ему было, когда привезли в табор.

- Негодный он к работе, – молодая цыганка горько ухмыльнулась. – Обидчивый. Ленивый.

Её звали Ягори, её муж был на заработках в Ленинграде. Старшие невестки тети Розы тоже были в городе, с ними - и дети. Наступили дни, когда цыгане не остаются без дела. Цыганки гадают. Малыши попрошайничают. Подростки обворовывают зевак.

Скоро цыганская семья соберется в большом доме. Тринадцатого января дом закроют до полуночи. Цыганская семья сядет за праздничный стол. Первый откушенный кусок цыган завернет в ткань и положит под подушку, загадает желание. В полночь дом откроют и придут гости. Внучки тети Розы наденут блестящие костюмы и станут танцевать.

- В цыганский новый год мы будем славить заступника всех цыган - Василия. Люся, знаешь, кто это?

- Нет, тетя Роза.

- А я тебе расскажу, – цыганка благодушно кивнула. – Цыгану всегда жилось тяжело. Цыгана вешали только за то, что он цыган. Наш народ не просто так кочевал. Люди от смерти спасались. Но был у цыган сильный заступник. Звали его Святой Василий. Святой Василий всегда оберегал цыган. Рядом был с теми, кто в беде. Однажды злые люди захотели истребить весь цыганский род. Они собрали всех у реки, чтобы утопить, и начали с самых беспомощных - дети и старики уже были в воде. Но Святой Василий протянул каждому руку, а затем возвёл мост, чтобы спасти народ. Цыгане быстро перебрались по нему на другой берег, после чего Святой Василий разрушил переправу, чтобы злые люди не смогли больше преследовать бедных и честных цыган. Люся, когда схоронишь Антона, возвращайся ко мне, – старая цыганка приобняла Люсю. - Все мои дети счастливые. И ты будешь счастливая. Мы не оставляем сирот.

Люся поцеловала цыганке руку.

Бабушка привезла семиклассницу Люсю в деревню. Из городской школы её забрали посреди учебного года. В доме бабушка сказала: «Это твой дом. Вот твоя кровать. Там - твой стол. Никто не обидит тебя. Я не позволю».

Испуганная Люся стала целовать бабушкины руки. «Что ты, внученька. Не надо», - старушка смутилась.

- Тетя Роза, а Ванечка счастлив?

- Белобрысому всё ни по чем. В гробу будет клясться, что не брал чужого.

- Сколько ему?

- Семнадцать уже исполнилось. Мои сыновья в его возрасте перегоняли машины.

Цыганка гордилась сыновьями.

- За «Волку» давали пятьдесят тысяч. А белобрысый к родной тетке в карман полез.

Люся хорошо училась в школе. В техникуме получала повышенную стипендию. Однако мама никогда ею не гордилась.

Жизнь слишком сложная, чтобы понять её.

Цыганка что-то пробормотала на своём языке. Невестка сразу вышла - за дверью скрипнули ступеньки. Девушка поднялась на второй этаж и ушла к себе.

- Тетя Роза, я не смогла продать зеркало.

- Почему?

- В зеркале кто-то есть. Сущность двигается, оставляет за собой легкое свечение.

- Ты сама видела?

- Оценщик сказал. Он распечатал фотографии и обнаружил живое лицо.

- То ли оценщик болен, то ли твой человек говорит правду. В зеркале находится тварь, - задумчиво протянула цыганка. - Люся, испорченную вещь у тебя не купят, её нельзя держать в доме.

- Нет, не выброшу. Это лучшее, что осталось после родителей.

- Дело твоё.

Цыганка выдержала паузу. Несколько минут она молчала, словно, что-то обдумывала, а потом произнесла:

- Люся, я дам тебе деньги на похороны. Пустишь в библиотеку? Я буду там гадать.

- К нам уже не приходят. Мы на столах даже лампы не включаем.

- Ты об этом не волнуйся. Я всё организую. Под верь подложу записочку - к вам толпа повалит. Мы живем небогато, сама смотри - ни сервизов, ни хрусталя, - цыганка указала на окно, за которым кружились снежинки. - Во дворе сарай разваливается. Роды дома - это дорого. В роддоме бесплатно рожают. Цыгане уважают советскую власть. Много пользы от советов, - внезапно старая цыганка нахмурилась:

- Чтобы всё хорошо прошло, за новую жизнь плату потребуют.

Краем глаза Люся заметила медленно движущуюся по комнате тень. Затаив дыхание, она наблюдала, как та принимала странные формы, неестественно растягивалась по стене, превращалась в пугающий силуэт и внезапно исчезла.

- Кто потребует? - шепотом спросила Люся.

- Тебе знать не положено, - задумчиво ответила цыганка. - После праздников приеду в Ленинград, в городе у нас много родни, но я остановлюсь у тебя. Согласна?

Люся кивнула.

- Заодно приведу в порядок зеркало.

- В революцию человек повесился перед зеркалом.

- Мужчина?

Цыганка заинтересовалась. В дальней комнате, всегда запертой на ключ, она прятала зеркало. А инструмент от замка носила при себе. Родственников цыганка предупредила: после её смерти эту вещь нужно закопать, прижав сверху тяжёлым булыжником. Она даже пока-

зала место, откуда ни одно существо не сумеет подняться на поверхность. Своим близким она строго-настрого запретила заглядывать в зеркало. Там обитала сущность, способная обманом затянуть необученного человека в смертельную ловушку, откуда будет не выбраться.

Сама цыганка использовала зеркало в ритуалах. В особые дни она зажигала вокруг него свечи и в строгом порядке раскладывала карты. Чтобы проверить силу портала, она бросала в стеклянную гладь яблоко и наблюдала, как плод укатывается далеко, к густому лесу. Цыганка никого не вызывала и ни с кем не общалась. Напевая заклинания с тайными словами, она лишь передавала вещи дорогому покойнику. Она до сих пор любила мужа и отправляла ему на тот свет подарки: красную рубаху, нарядные сапоги и множество других полезных подношений.

Из потертого кошелька цыганка достала деньги. Погладила Люсю по голове и положила деньги в её сумку.

- Ложись, девочка, у печки. Белье чистое. Вчера стелила. А я пойду на улицу. Курятник запру на замок. Чтобы лиса не забралась. В таборе завелась белолицая лиса.

Цыганка вернулась быстро. Устроилась на топчане.

- Тетя Роза, у вас красивая ёлка.

Живая ёлка блестела мишурой, бусами, «дождиком».

- Когда дети были маленькие, мы ставили две ёлки, – мягко произнесла цыганка. - Одну – внизу. Другую – на втором этаже. Всё делали для малышей. Каждый год перед праздниками муж приносил ёлки из нашего леса, и мы вместе украшали дом. Хороший был цыган, добрый. Такие рано уходят. Быстро переделают все земные дела, и нет их. Вначале без него пришлось очень трудно.

Сверху раздался шум. Молодой цыганке не спалось. Она тревожно возилась: перекладывала с места на место платья, хлопала тяжёлой крышкой сундука. Хотя тёплая печь и мягкая постель располагали к покою. Совсем скоро в одной кровати с женой будет спать её муж. Как только молодая цыганка разрешится от бремени, муж займёт своё место рядом с ней.

- Тетя Роза, когда ваша невестка родит?

- Малыш появится через неделю, – задумчиво протянула цыганка. - На следующий год мы и на втором этаже поставим ёлку. А ты спи. Во сне увидишь жениха. Если испугаешь, свет не включай. Меня позови. Если кто-то схватит тебя шершавой рукой, значит, жених будет бедный. У богача руки мягкие, совсем не натруженные.

- Что делать, если жених окажется бедняком? – тревожно спросила Люся.

- Ты должна будешь отбиться от него. Тебе надо хорошо кушать. Моя невестка правильно питается и произведёт на свет здорового ребенка. Люся, с добрым мужем – жизнь в радость. Сын кузнеца – славный парень. Не пьёт. Цыганка один раз может выйти замуж. Жаль, что ты не цыганка. Люся, тот, кто тебя обидел, давно сгнил. Твоя жизнь продолжается. Спи, Люся.

Люсе снился цыганский муж. Молодой кузнец был в кузнице, рядом с пылающим горном. Умело орудуя тяжелым молотом, широко улыбался. Призрачный образ дарил девушке удивительное ощущение счастья, но картинка изменилась. Вместо парня появился большой, красный петух.

«Кыш-кыш», - сказала ему Люся.

«Садись. Поскачем к жениху». Петух говорил голосом цыганки.

Пришли ряженые. Люди в маскарадных костюмах преградили путь, не пуская их дальше. Заливисто играла гармошка, звенели песни, кружились пляски. Вдруг вперед вышел человек в маске медведя и распахнул огромный мешок. «Заплати! – потребовал он. - Отдай то, что тебе самой нужно».

Люся носила на пальце серебряное колечко, подаренное бабушкой ещё в детстве. «Это особое кольцо, - сказала бабушка, - я его заговорила. Нечистая сила не будет иметь над тобой власти».

Люся сняла кольцо, и сразу пропали ряженые.

«Путь открыт! - радостно встрепенулся петух. - Оседлай меня. Не стесняйся. Садись на спину. Я сильный!»

Петух мигом доставил Люсю к белой стене, у которой находилась фигура в дорогом пальто. Золотые пуговицы были неправильно застегнуты. Хорошее пальто смотрелось отчаянно плохо. Незнакомец был не как все. Носил чёрные рога и источал неприятный запах гари. Окружающие явно его избегали.

Одиозный незнакомец строго спросил:

- Петух, привез?

Петух гордо распустил крылья, щеголяя длинными блестящими перьями – признаком крепкого здоровья.

– Всё сделал, как договорились.

- Девушка приятной внешности?

- Какая тебе разница? Ты всё равно ничего не видишь. У тебя нет глаз.

У незнакомца действительно не было глаз. Эта деталь лица отсутствовала. На их месте тускло поблёскивали черные камни.

- Не умничай. У моего хозяина есть зрачки.

- Выбрал из толпы хорошенькую, – примирительно произнес петух. - Будет от неё радость жениху.

- Петух, ступай. Кыш. Я сопровожу её прямо к князю.

- Не уйду, пока не скажешь: зачем ему эта девушка?

Петух проявил настоящую удаль. Наверное, он был безумен.

Незнакомец засмеялся особенным смехом. Так люди не смеются. Люся увидела зубы незнакомца. Мелкие. Крошечные. И два острых клыка.

- Есть причина. Князь задумал жениться, – не отпираясь, сказал выходец из подземного мира. - Еще никогда не приходилось ему быть мужем. Очень скоро состоится свадьба. Четырнадцатого января хозяин выберет себе невесту. Любопытно, что из этого получится. Я переживаю. Князь часто бывает неустойчив. Равновесия в нем мало. Как бы сразу не убил женушку. Этот день для многих станет знаковым. Смерть проявит интерес к петухам.

Петух посинел.

- Что ты сказал? – петуху до одури стало страшно.

- Беда всех петухов, что цыгане любят холодец. Ладно, купец. Передавай товар.

- Если князь выберет мою девушку, я получу свою награду?

- Пойдешь на все четыре стороны с рекомендацией. Получишь от жизни всё. Перестанешь дрожать от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.